

Украинской ССР. Научно-практический комментарий.—Киев: Политиздат Украины, 1978.—684. с. 9. Шемшученко Ю. С., Мунтян В. Л., Розовский Б. Г. Юридическая ответственность в области охраны окружающей среды.—Киев: Наук. думка, 1978.—279 с. 10. Бюл. Верховн. Суда СССР. 11. Бюл. Верховн. Суда РСФСР.

Поступила в редколлегию 30.11.81.

С. Б. Г а в р и ш, канд. юрид. наук

Харьков

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДМЕТА НЕЗАКОННОЙ ПОРУБКИ ЛЕСА В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Незаконная лесорубка — одно из наиболее опасных преступлений против природы, причиняющее большой ущерб интересам охраны, научно обоснованного, рационального использования и воспроизводства лесов как природной системы. Эффективное применение ст. 160 УК УССР и аналогичных норм УК союзных республик, установивших ответственность за данное деяние, во многом зависит от правильного определения предмета названного преступления.

В диспозиции ст. 160 УК предмет лесопорубки описывается как лес на корню. В основном так же он трактуется и в теории советского уголовного права [3, с. 519; 2, с. 34; 4, с. 193]. Вместе с тем такая обрисовка предмета рассматриваемого посягательства, учитывая его специфику, является слишком общей, не отражает существа анализируемого явления и нуждается в дополнительных разъяснениях. Необходимо выяснить те его основные признаки, которые присущи только этому предмету, характеризуют его содержание и отличают от других материальных явлений. К их числу следует отнести экологический, физический, социально-экономический и юридический (правовой) признаки.

Экологический признак предмета незаконной порубки леса заключается в том, что лес представляет собой не простую совокупность деревьев, а экологическую систему (лесной биогеоценоз), которая в целом благотворно влияет на жизнь человеческого общества, обеспечивает его нормальное функционирование.

Уголовный закон указывает, что незаконной порубкой признается порубка леса на корню во всех лесах государственного значения, колхозных лесах и в пределах защитных лесных полос. Основываясь на данных науки о лесе [5, с. 29; 9, с. 15], можно заключить, что под таковым следует понимать объединенный единым ходом естественных процессов комплекс древесной, кустарниковой, травянистой растительности, соответствующих им почвы, климата, животного мира, где основное место принадлежит древостоям (деревьям и кустарникам), представляющий собой экологическую систему (лесной биогеоценоз), благотворно влияющий на жизнь человеческого общества и удовлетворяющий разнообразные потребности людей. Вместе с тем, указы-

вая в ст. 160 УК на предмет преступления как лес на корню, законодатель, представляется, имел в виду только определенный его компонент — лес как совокупность совместно произрастающих и находящихся в биологическом единстве древостоев. Лес же как экологическая система не может выступать в качестве целостного предмета незаконной лесопорубки. Но биогеоценотические связи, охватываемые естественнонаучным понятием леса, не могут быть безразличны для уголовного права. Так, лес как простая совокупность совместно произрастающих и находящихся в биологическом единстве древостоев (лес в узком смысле) входит в более широкое понятие — лес как экологическая система (лесной биогеоценоз), в которой растительность, живые организмы, почва, климат являются неразрывными составными элементами (лес в широком смысле). Основным компонентом и связующим звеном экологической системы леса выступает древостой. Но его, как и все другие части леса и лес в целом, нельзя представить оторванно от территории, климатических, географических и других условий существования леса.

Следовательно, хотя законодатель в ст. 160 УК и исходит из понятия леса как определенной совокупности древостоев, однако его нельзя отрывать от понятия леса как экологической системы, поскольку первое выступает лишь частью второго, входит в него в качестве хотя и основного, но не единственного элемента¹.

Сама возможность отдельных древостоев быть предметом преступления по ст. 160 УК также связана с понятием леса как экологической системы. Так, древостои, произрастающие вне леса, хотя бы и образующие простую биологическую совокупность (бульвар, парк, большие группы деревьев на землях сельскохозяйственного значения и др.), не могут быть предметом данного посягательства и их порубка не образует состава названного преступления.

Исходя из экологического признака, предметом преступления, предусмотренного ст. 160 УК, являются любые древостои, произрастающие на территории лесного фонда, независимо от того, относятся они к его лесным или нелесным площадям. Этот вывод вытекает из того, что экологический признак предмета лесопорубки характеризует лес как природную систему и не связывает его исключительно с лесонасаждениями, а также с площадями, собственно не занятыми ими (полями, болота-

¹ О неразрывной связи предмета преступления, предусмотренного ст. 160 УК УССР и аналогичными статьями УК союзных республик, как отдельных древостоев, входящих в состав леса, и леса как экологической системы говорится в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 3 июня 1977 г. «О практике применения судами законодательства об охране природы», где в п. 13 подчеркивается, что при исчислении ущерба, нанесенного преступлениями в области охраны природы, «судам следует исходить из стоимости поврежденного или уничтоженного и вреда животному и растительному миру или особо охраняемым объектам природы» [11, с. 14].

ми, гарями, рединами и др.), которые составляют с лесом единый природный комплекс. На территории этих площадей могут произрастать как отдельные древостои, так и их целые группы, незаконная порубка которых должна влечь ответственность по ст. 160 УК.

Изучение экологического признака позволяет сделать вывод, что предмет лесопорубки обладает сложной внутренней структурой, рядом присущих только ему особенностей. Это вытекает из самой сущности леса как природной системы. С одной стороны, законодатель в ст. 160 УК указывает на предмет данного преступления как определенные древостои (лес на корню), с другой — всякая незаконная порубка древесной растительности с неизбежностью ведет к уничтожению и других компонентов, в совокупности образующих лес (растительности, почвы, животного мира и др.). Тем самым с отделением древостоев от среды произрастания в природной системе леса разрушаются установившиеся биогеоценозные связи, которые, собственно, и объединяют лес в единое целое. Нарушение же экологического равновесия приводит в свою очередь к тому, что человек лишается возможности нормально функционировать в благоприятной природной среде, что отрицательно сказывается на его здоровье.

Изложенное дает основание полагать, что предмет незаконной порубки можно подразделить на общий и непосредственный (конкретный). Общий предмет представляет собой всю совокупность компонентов лесного биогеоценоза — экологическая система леса в целом, а непосредственный (конкретный) — лес в смысле отдельных, стоящих на корню деревьев и кустарников, наделенных определенными признаками. Противоправно посягая гем или иным способом на непосредственный предмет (отдельные древостои, входящие в состав леса), который в результате этого уничтожается либо существенно повреждается, виновный всегда причиняет вред общему предмету — лесу как экологической системе: вместе с древостоями уничтожается и другая растительность, почва, животные, насекомые и др., представляющие собой единое целое — лесной биогеоценоз. Тем самым нарушается экологическое равновесие в данной природной среде леса. Это приводит в свою очередь к ухудшению природоохранительных свойств леса, что неблагоприятно сказывается на условиях существования и жизнедеятельности человека (его жизни и здоровье). Приведенная классификация видов предмета незаконной порубки леса позволяет не только более полно и точно определить объект рассматриваемого посягательства, но и в каждом конкретном случае установить весь объем преступных последствий лесопорубки, правильно квалифицировать действия виновного и назначить ему справедливое наказание.

Физический признак исследуемого преступления — это признак биологического свойства. Он характеризует лес как предмет материального мира, обладающий определенными качествами,

которые отличают его от других компонентов леса, входящих в последний в качестве составных частей лесного биогеоценоза. Этим признаком обладают деревья и кустарники, произрастающие в лесу.

Деревья представляют собой долговечные растения (не ниже 2 м) с многолетними деревянеющими стеблями и корнями с ярко выраженным главным стеблем — стволом с ветвями, состоящие из древесины и коры [1, т. 8, с. 116]. В связи с этим не может быть предметом рассматриваемого посягательства всякая иная растительность, не обладающая этим признаком (сено в лесу, ценные лекарственные травы, кустарнички и т. д.).

Поскольку законодатель в ст. 160 УК считает преступлением незаконную порубку леса на корню, не раскрывая этого понятия, в литературе широко распространено мнение, согласно которому предметом названного преступления должны признаваться не только сырорастущие (живые), но и сухостойные (мертвые) деревья [2, с. 35; 3, с. 520], что иногда разделяется на практике.

Сухостойные деревья утрачивают большую часть своих биологических функций и не оказывают существенного влияния на природные факторы. На лесное хозяйство возложена обязанность регулярно проводить санитарную рубку ухода за лесом, включающую и расчистку его от сухостойных деревьев [7, с. 355]. Указание закона, что лес в момент порубки должен находиться на корню, следует понимать также в смысле неотделенности его от среды произрастания как природного элемента, не утратившего своих естественных качеств, т. е. он должен быть «живым», сырорастущим. Следовательно, сухостойные деревья не являются предметом исследуемого преступления, а их порубка не причиняет вреда охраняемому законом объекту — интересам охраны лесов как природной системы, а такие действия нельзя квалифицировать по ст. 160 УК.

Исключение, представляется, являет собой случай порубки сухостойных деревьев как обязательного элемента ландшафта (например, произрастающих на заповедных территориях, отведенных для сохранения лесной фауны и флоры в нетронutom естественном виде, для различных научных исследований и пр.). Порубка таких деревьев, специально охраняемых законом, причиняет вред объекту рассматриваемого преступления, нарушая интересы советского общества по охране лесов, которые также направлены на удовлетворение духовных, эстетических, культурных и научных потребностей людей. Поэтому такое деяние должно быть квалифицировано по ст. 160 УК.

Не всегда одинаково решается вопрос о том, являются ли предметом данного преступления кустарники. Они представляют собой многолетние деревянистые растения, ветвящиеся у самой поверхности почвы (в отличие от деревьев) и не имеющие во взрослом состоянии главного ствола [1, т. 14, с. 54]. Вместе

с тем кустарники выступают в качестве неотъемлемого компонента леса, а иногда составляют и сам лес (орешниковые леса, леса из различных пород кустарников), обладают такими же полезными свойствами и благотворно влияют на жизнь людей. В связи с этим действующее законодательство практически не делает разницы в размерах возмещения причиненного материального ущерба за порубку или повреждение деревьев или кустарников [10].

Изложенное позволяет считать предметом незаконной порубки леса как деревья, так и кустарники, входящие в состав леса или сами его образующие. Правильность данного положения подтверждается и тем, что законодатель в ст. 160 УК не делает различия между деревьями и кустарниками, объединяя их в понятие «лес».

Следует обратить внимание, что в рассматриваемой норме не только указывается на лес как биологически полноценный элемент природы (сырорастущий), но и подчеркивается еще один важный момент — лес (деревья и кустарники) не должен быть отделен от среды произрастания, т. е. должен находиться на корню. Поэтому не может быть предметом исследуемого преступления валежник, под которым следует понимать лежащие на земле деревья или их части, образующиеся при естественном отмирании, ветровале, буреломе, навале снега, неполной уборке порубочных остатков и др. Ответственность за его присвоение должна наступать не по ст. 160 УК как за незаконную порубку леса, а при наличии всех необходимых условий по ст. 198 УК как за самоуправство либо в административном или гражданско-правовом порядке.

Не могут быть предметом рассматриваемого преступления также срубленные деревья, заготовленные другим лицом или социалистической организацией. В этом случае происходит завладение предметами, которые уже тем или иным образом «вырваны» из природной среды, потеряли с ней все природные связи и не оказывают на нее практически никакого воздействия, т. е. не обладают физическими признаками. Кроме того, в заготовку такой древесины вложен человеческий труд, который может быть выражен конкретной стоимостью, а сама древесина в силу этого приобретает все признаки товара. Следовательно, обращение таких предметов в свою пользу или других лиц должно рассматриваться как хищение социалистического или похищение личного имущества граждан в зависимости от его принадлежности и направленности умысла виновного. Причем для ответственности не имеет значения сам момент заготовки древесины. Уже само начало производства (валка леса лесорубами) предполагает определенные затраты труда, что и создает стоимость, а само дерево приобретает новое качество — становится товаром. В связи с этим вряд ли можно согласиться с утверждением, что для квалификации действий виновного как хищения

недостаточно, чтобы деревья были только срублены, а необходимо также их определенным образом еще обработать, т. е. подготовить, например, для сплава, сложить в штабелях и т. д. [8, с. 281; 4, с. 175]. Следуя же изложенной позиции, невозможно провести четкую грань между хищением и незаконной лесорубкой. Более того, перечень таких дополнительных критериев признания срубленного леса имуществом может быть продолжен (лес очищен от веток, распылен, собран в штабеля и т. д.), что создает необоснованные трудности при применении законодательства об ответственности за хищение социалистического или похищение личного имущества.

Социально-экономический признак характеризует лес с точки зрения общественной и экономической полезности. Выделение такого признака вызвано тем, что законодатель связывает уголовную ответственность за данное посягательство с определенным размером ущерба. Отсутствие такого ущерба исключает возможность рассматривать незаконную порубку леса как уголовно наказуемое деяние. Так, в диспозиции ст. 160 УК указывается, что преступной признается «незаконная порубка деревьев и кустарников в лесах первой группы, выполняющих защитные, санитарно-гигиенические и оздоровительные функции, в лесах заповедников, национальных и природных парков, заповедных лесных участках, лесах, имеющих научное или историческое значение, природных памятниках, лесопарках, если ущерб превышает сто рублей, а в остальных лесах, относящихся к первой группе,— двести рублей по таксе, установленной для исчисления размера взысканий за ущерб, причиненный незаконной порубкой и повреждением деревьев и кустарников в других лесах, если ущерб превышает триста рублей по той же таксе, а также порубка деревьев и кустарников в указанных лесах, повлекшая причинение ущерба в меньшем размере, но совершенная повторно...». Названные таксы утверждены постановлением Совета Министров УССР от 10 мая 1977 г. «Об усилении ответственности за ущерб, причиненный лесному хозяйству» [10]. Размер ущерба по ним зависит, во-первых, от группы и категории леса, где самая высокая сумма ущерба определяется в особо охраняемых лесах первой группы; во-вторых, от диаметра ствола дерева или размера кустарника. Такие таксы, что вытекает из диспозиции ст. 160 УК, являются единственным источником определения ущерба при незаконной порубке леса.

Рассматриваемый признак характеризуется также неоднородной социальной и экономической значимостью лесов. Так, в соответствии со ст. 15 Основ лесного законодательства и ст. 34 ЛК УССР, исходя из народнохозяйственного значения, местоположения и выполняемых природных функций, леса в СССР подразделяются на группы: леса государственного значения — на первую, вторую и третью группы, а колхозные леса — на первую и вторую группы.

Первая группа лесов — это леса, имеющие главным образом социально-защитные и рекреационные функции. Вторая — леса, сочетающие все функции защиты, охраны здоровья людей и другие природоохранные свойства с ограниченными промышленными заготовками. Третью группу образуют леса промышленного значения, в которых производятся лесозаготовки в размерах нужд народного хозяйства при сохранении их защитных и оздоровительных функций. В свою очередь каждая из указанных групп лесов делится на определенные категории в зависимости от выполняемых ими функций.

Наибольшую социальную ценность представляют леса первой группы, площади которых с каждым годом увеличиваются. Различна также социальная ценность категорий лесов в каждой группе. Учитывая это обстоятельство, УК УССР в ст. 160, как и УК других союзных республик, дифференцировал размер ущерба как необходимого признака объективной стороны состава незаконной порубки леса в зависимости от групп и категорий лесов, что в достаточной мере позволяет учесть общественную опасность такого преступления.

Юридический признак предмета лесопорубки — это такой признак, который раскрывает его правовое положение. Этот признак выражен в тексте ст. 160 УК указанием на то, что незаконной признается порубка деревьев и кустарников в лесах, выполняющих защитные, санитарно-гигиенические и оздоровительные функции, в лесах заповедников, национальных и природных парков, природных памятниках и т. д. Исходя из буквального толкования нормы ст. 160 УК, представляется, что законодатель дал здесь исчерпывающий перечень объектов охраны применительно к лесам первой группы, выполняющим довольно важные функции, и достаточно широко описал правовой режим предмета порубки леса в иных случаях, используя для этого термины «в остальных лесах», «в других лесах».

В особо охраняемые леса должны входить и защитные лесные полосы. Однако на практике при решении вопросов об ответственности за незаконную порубку леса не всегда учитывается, что лесозащитные полосы являются предметом данного посягательства. Так, обобщение гражданских дел в ряде областей УССР о возмещении ущерба, причиненного лесопорубкой, показало, что 6% составляли дела, связанные с порубкой древостоев в пределах защитных лесных полос, хотя ущерб и превышал минимум, указанный в ст. 160 УК.

В соответствии с названным признаком предмет незаконной порубки леса в момент совершения преступления должен произрастать в лесу, являться его неотъемлемой составной частью и не обладать товарной стоимостью, не выступать имуществом социалистических организаций. В этой связи не могут быть признаны предметом рассматриваемого преступления кустарники, саженцы, деревья в лесопосадке, лесопитомнике, на опытном

участке, в дендрологическом парке и т. д. Эти предметы имеют твердо выраженную стоимость, обладают всеми признаками товара и представляют собой имущество социалистических организаций. Поэтому их незаконное обращение в свою пользу виновным представляет собой преступление против социалистической собственности.

Таким образом, изложенное позволяет сделать вывод, что предметом преступления, предусмотренного ст. 160 УК УССР, являются любые сырораствующие (живые) деревья и кустарники, стоящие на корню и произрастающие на территории гослесфонда или в пределах защитных лесных полос. При этом необходимо учитывать, что предметом рассматриваемого преступления могут быть только такие деревья и кустарники, произрастающие в лесу, которые обладают всеми описанными признаками, находящимися между собой в тесной взаимосвязи и взаимозависимости. Отсутствие какого-либо из них исключает возможность говорить о предмете незаконной порубки леса и тем самым о применении ст. 160 УК.

Список литературы: 1. *Большая Советская энциклопедия*. 3-е изд. — М.: Сов. энциклопедия, 1964. — Т. 8. 592 с.; Т. 14. 624 с. 2. *Корчева З. Г.* Уголовно-правовая охрана природы в УССР. — Харьков: Вища школа, 1975. — 83 с. 3. *Курс советского уголовного права: Часть Особенная*. — М.: Наука, 1975. — Т. 5. 571 с. 4. *Курс советского уголовного права: Часть Особенная*. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1978. — Т. 4. 557 с. 5. *Нестеров В. Г.* Общее лесоводство. — М.; Л.: Гослесбумиздат, 1954. — 656 с. 6. *Прейскурант 07—01 № 1*. — М., 1973. — 16 с. 7. *Сборник нормативных актов по охране природы*/Под ред. В. М. Блинова. — М.: Юрид. лит., 1978. — 583 с. 8. *Советское уголовное право: Часть Особенная*/Под ред. М. Д. Шаргородского, Н. А. Беляева. — М.: Госюрбумиздат, 1962. — 478 с. 9. *Ткаченко М. Е.* Общее лесоводство. — М.; Л.: Гослесбумиздат, 1955. — 599 с. 10 *СП УССР*, 1977, № 5, ст. 49. 11. *Бюл. Верховн. Суда СССР*, 1977, № 4.

Поступила в редколлегию 04. 12. 81.

Трибуна молодого ученого

А. А. Попов

Харьков

НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ПРАВОПРЕЕМСТВА В СВЯЗИ С ОБРАЗОВАНИЕМ СССР

Образование СССР явилось действенным средством подлинного разрешения национального вопроса в нашей стране. «Единство советских наций сегодня прочно, как никогда» [1, с. 56]. Опыт Советского государства в разрешении внутригосударственных и международных проблем имеет неоценимое значение. Так, в области международного права продолжают представлять практическую значимость вопросы теории правопреемства при образовании СССР — федерации, члены которой сохраняют свою международную правосубъектность. Хотя со времени образования СССР прошло немало лет, в будущем не исключаются ситуации, связанные с правопреемством при образовании новых независимых государств. По мнению Комиссии международного права, выраженному в докладе Генеральной Ассамблеи о работе 24-й сессии Комиссии, проблемы правопреемства будут возникать в связи с такими случаями, как отделение, расчленение существующего государства, создание союзов государств [7].